

Исмаилова Аминат Эскерхановна

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Гражданское право, семейное право, международное частное право

Некоторые проблемы правовой природы суррогатного материнства

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые правовые проблемы правового регулирования суррогатного материнства.

Ключевые слова: суррогатное материнство, вынашивание и рождение ребенка, правоотношение по суррогатному материнству, суррогатная мать.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определяет вспомогательную репродуктивную технологию как метод лечения бесплодия, тогда как суррогатное материнство выступает одним из методов вспомогательной репродуктивной технологии [2]. Для современной российской правовой действительности институт суррогатного материнства, выступая в качестве вспомогательной репродуктивной технологии, имеет своей целью преодоление бесплодия.

На данное положение указывает и корреспондирующий закону п. 70 Приказа Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [3].

Вышеприведенные правовые нормы определяют суррогатное материнство, как вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и

рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям [9, с. 6]. На основании вышеизложенного мы предлагаем понимать термины потенциальные, генетические и биологические родители как синонимичные, так как на это указывает пункт 70 Порядка использования вспомогательной репродуктивной технологии и отдельные судебные акты.

О.Ю. Лебедева пишет, что дефиниция «лечение» законодателем дается довольно размыто [10, с. 17]. Хотелось бы обратить внимание на то, что научный интерес представляет выделение в качестве цели лечения улучшение качества жизни и, как представляется, оно может толковаться довольно широко и субъективно: например, как создание для смертельно больного человека более комфортных условий существования и т.д.

Потенциальные родители выступают пациентами, нуждающимися в улучшении качества жизни посредством преодоления бесплодия. Проблемы с репродуктивным здоровьем могут возникать и у потенциальных родителей совместно и по отдельности у каждого.

Г.Ю. Фоменко отмечает, что с психологической точки зрения бесплодие угрожает целостности личности бесплодного пациента [15, с. 145]. Поэтому можно провести видимую параллель между качеством жизни пациента и процедурой суррогатного материнства. Если ухудшение качества жизни пациента порождает невозможность иметь собственного ребенка, то повышение, напротив, связывается с возможностью обращения к процедуре суррогатного материнства. Определению же правовой природы суррогатного материнства как одного из методов вспомогательной репродуктивной технологии корреспондирует его цель – лечение бесплодия пациента (пациентов), на которого накладывается деструктивный психологический аспект, дополняющий физическую невозможность зачатия и рождения ребенка [14, с. 44].

Само же понятие суррогатного материнства выстраивается из определения п. 9 ст. 55 Закона об основах охраны здоровья и, по нашему

мнению, оно прямо не указывает на целевое назначение суррогатного материнства.

Ученые-правоведы ранее предпринимали различные попытки сформулировать собственное определение. В частности, С.П. Журавлева рассматривает суррогатное материнство как один из видов вспомогательной репродуктивной технологии (в рамках экстракорпорального оплодотворения), заключающийся в переносе оплодотворенной яйцеклетки в матку женщины для вынашивания и рождения ребенка [7, с. 27]. Но такой подход отражает сугубо медицинскую сторону вопроса, оставляя без внимания субъективный состав правоотношения суррогатного материнства и его цель.

Заслуживает внимания определение Е.С. Митряковой, позиционирующей суррогатное материнство как правовую взаимосвязь, возникающую между суррогатной (вынашивающей) матерью и супругами (заказчиками) по вопросам имплантации в организм суррогатной матери генетически чужого ей эмбриона для его вынашивания, рождения ребенка и его последующей передачи заказчикам [13, с. 23]. В нем хоть и прослеживается аккумуляция правовой и медицинской точек зрения, однако не называются целевое назначение и указание на договор как основание возникновения правоотношений по суррогатному материнству.

Конституционные поправки от 2020 года устанавливают постулат, согласно которому дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России (ч. 4 ст. 671 Конституции РФ) [1]. Как видим, рассуждение о суррогатном материнстве через призму таких семейных ценностей, как воспитание и благополучие ребенка, дополняет вышеуказанные научные трактовки. Отчаявшиеся невозможностью естественным образом зачать, выносить и родить ребенка, потенциальные родители (родитель) прибегают к данной процедуре с одной лишь оправданной целью – преодолеть бесплодие путем установления в будущем детско-родительских отношений, вынашивания, рождения ребенка и его последующей передачи заказчикам.

Именно данный аспект позволяет признать наиболее удачным с точки зрения универсальности, основанием возникновения которого является договор с целью лечения бесплодия потенциальных родителей для достижения ими в будущем установления детско-родительских правоотношений посредством рождения суррогатной матерью ребенка [6, с. 240].

Таким образом, потенциальные родители выступают в качестве пациентов, которые не могут естественным путем зачать, выносить и родить ребенка самостоятельно. Как предполагалось выше, суррогатное материнство не заключается в непосредственном медицинском вмешательстве в детородную функцию потенциальных родителей (родителя). Поэтому такое вмешательство следует считать опосредованным, заключающимся в выполнении медицинских манипуляций с психическим состоянием человека и имеющим реабилитирующую направленность. Многообразие подходов к понятию суррогатного материнства обусловлено желанием некоторых авторов рассмотреть термин с позиций медицины или права: как правоотношение, процедуру, социальное явление, медицинскую программу, метод (вид) вспомогательной репродуктивной технологии и т.д.

Правовая природа суррогатного материнства определяется целью – преодолеть, вылечить бесплодие через призму улучшения качества жизни. В то же время законодатель в п. 9 ст. 55 Закона об основах охраны здоровья прямо не определяет цель, которой руководствуются потенциальные родители при применении такой вспомогательной репродуктивной технологии.

В научной литературе не утихают дискуссии по поводу морально-этических основ суррогатного материнства ввиду отсутствия единого мнения к справедливости его существования в принципе [12, с. 29]. Зачастую общество отдельно взятой страны не приемлет привлечения в репродуктивный процесс третьего субъекта [11, с. 143]. Например, граждане не имеют права на судебную защиту по требованиям, вытекающим из договора коммерческого суррогатного материнства ввиду запрета на его заключение (например, Греция, Нидерланды). Более того, правопорядок ряда зарубежных стран признает любое

вмешательство третьей стороны в детородную функцию противоправным (Франция, Германия) [8, с. 70]. Нетрудно догадаться, что судебные споры о происхождении детей только усиливают негативное отношение к процедуре суррогатного материнства.

Важно констатировать тот факт, что позиция российского законодателя относительно института суррогатного материнства не совсем однозначна. Можно с уверенностью утверждать, что однозначной позиции не выработали и российские парламентарии по вопросу дальнейшей судьбы суррогатного материнства.

Российские суды зачастую признают за суррогатной матерью ее субъективное право на оставление себе ребенка. По одному из таких случаев дело дошло до Конституционного суда Российской Федерации. Из краткой фабулы гражданского дела в суде общей юрисдикции было ясно, что суррогатная мать Р. со своим бывшим супругом произвели запись о рождении ребенка в органах ЗАГСа. Генетическим же родителям – Ч. П. и Ч. Ю. – в удовлетворении смежных требований к Р. и ее бывшему супругу было отказано на том основании, что суррогатная мать (ответчица) не давала соответствующего согласия. Генетические родители настаивали на том, чтобы обязать ответчиков не чинить препятствий в регистрации их в качестве родителей ребенка. КС РФ ограничился вынесением определения об отказе в принятии к рассмотрению жалобы [4].

Не нарушается ли законодателем в таких спорах баланс конституционных ценностей родителей и ребенка, когда забота о детях, их воспитание – это равное право и обязанность родителей; и если постулировать, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России, то оправдывается ли взаимосвязанный с этими ценностями принцип равенства всех перед судом и законом (ст. 19, 38, 671 Конституции РФ)? По-видимому, вопрос остается открытым.

Особый интерес представляют разъяснения Пленума Верховного суда Российской Федерации, данные им в п. 31 постановления от 16 мая 2017 г.

№ 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» о том, что право оставить ребенка себе не является безоговорочным правом суррогатной матери и может быть оспорено в суде [5]. Таким образом, суд демонстрирует приверженность к соблюдению баланса интересов сторон, отводя важную роль воле родителей.

Более того, нижестоящим судам предписывается в целях правильного рассмотрения дел проверять факт заключения договора о суррогатном материнстве и содержание условий такого договора; устанавливать генетическое родство истцов с ребенком; выявлять причины отказа суррогатной матери в даче согласия на запись истцов в качестве родителей ребенка с учетом установленных по делу обстоятельств.

В действительности кажется сложно выполнимой задача по выстраиванию судебной практики в одном направлении и по учету всех аспектов, поэтому, очевидно, что Пленум ВС РФ постарался разъяснить лишь важное.

Таким образом, справедливость существования суррогатного материнства в России оспаривается обществом. С одной стороны, данная процедура позиционирует себя как способ лечения бесплодия генетических родителей (родителя) и является выходом из трудной ситуации, с другой – прослеживаются тенденции к ограничению или запрещению суррогатного материнства в принципе на территории страны.

Вопрос в приоритете права суррогатной матери определять дальнейшую судьбу ребенка также носит дискуссионный характер, а подобные судебные тяжбы носят куда более весомый характер, чем иной гражданско-правовой спор. Как представляется, серьезным упущением законодателя является соблюдение прав и законных интересов ребенка и биологических родителей при имеющемся возвышении потенциальных интересов суррогатной матери. Возможное смещение акцента в пользу генетических родителей может быть в будущем, но для этого в России необходимо упорядочить правовое регулирование в указанной сфере.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.01.2022).

2. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.01.2022).

3. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 № 60457) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.01.2022).

4. Определение Конституционного суда РФ от 15.05.2012 № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.01.2022).

5. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.01.2022).

6. Алборов С.В. Правовое и индивидуальное регулирование суррогатного материнства: Монография. М.: Юстицинформ, 2020.

7. Журавлева С.П. Правовое регулирование договора о суррогатном материнстве в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: РГГУ, 2011.

8. Кириченко К.А. Модели правового регулирования отношений, складывающихся при применении методов вспомогательной репродукции: сравнительно-правовой анализ // Российский юридический журнал. 2011. № 4 (79).

9. Кондратьев М.А., Яновский А.О., Борздо А.А. К вопросу о понятии суррогатного материнства // Инновации. Наука. Образование. 2020. Т. 2. № 13.

10. Лебедева О.Ю. Некоторые проблемы правового регулирования вспомогательной репродукции в свете нового Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Медицинское право. 2012. № 2.

11. Мосиенко Т.А., Лысогорская К.И., Федоренко О.С., Щекина Е.Н. Сравнительный анализ института суррогатного материнства в российском и зарубежном законодательстве // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2016. № 4 (56).

12. Момотов В.В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 1.

13. Митрякова Е.С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006.

14. Очирова Э.С. О понятии суррогатного материнства в законодательстве Российской Федерации // Вестник науки и образования. 2020. № 14-1 (92).

15. Фоменко Г.Ю. Психологические аспекты женского бесплодия в ракурсе экзистенциальной проблематики // Кубанский научный медицинский вестник. 2006. № 5.